

ВНУТРЕННЯЯ ДИНАМИКА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

В данном исследовании предполагается рассмотреть состояние современной российской вузовской науки, в целях выявления и анализа условий, а также стратегий (или – в более «мягком» прочтении – тенденций), обеспечивающих стабильный и эффективный рост исследовательской активности вузовского научного сообщества. Иными словами, стоящая перед исследованием задача, заключается в попытке найти ответы на вопросы следующего характера:

- «что позволяет вузовскому научному сообществу в целом, и отдельным ассоциациям исследователей в частности, демонстрировать положительную динамику и устойчивый рост исследовательской активности?»;
- «каким образом можно было бы сконструировать такую модель вузовского научного сообщества, которая была бы способна в наибольшей степени проявлять свою эффективность во всех значимых аспектах исследовательской деятельности и в производстве новых знаний?».

Современная российская наука и прежде всего вузовская наука переживают сегодня глубокий кризис. При этом среди причин данного кризиса чаще всего указывают: недостаточное финансирование, устаревшая материальная база, отсутствие взвешенной и последовательной государственной политики в области науки. Не отрицая значения такого рода обстоятельств, тем не менее попытаемся разобраться и проанализировать условия данного кризиса, которые были бы связаны с иными основаниями – внутренними по отношению к самому сообществу вузовских ученых. А это значит, в область нашего интереса попадет все то, что останется доступным для анализа в ситуации, если мы намерено вынесем за скобки нашего рассмотрения все вопросы и проблемы, связанные с состоянием внешних организационных основ вузовской науки, и сосредоточим внимание лишь на тех условиях, которые зависят:

- либо от позиций самого научного сообщества;
- либо от политики, проводимой его достаточно устойчивыми внутренними структурами, такими например, как вузы, лаборатории, факультеты, кафедры, исследовательские центры или даже вполне институционализированные научные школы.

Именно в таком контексте и предлагается нетривиальный, намеренно спорный и полемический взгляд на механизмы внутренней динамики научного сообщества, а также утверждается ряд интересных следствий, связанных с пониманием тех условий, которые стимулируют или блокируют исследовательскую активность вузовских ученых.

Большая часть тезисов и принимаемых следствий опирается на адаптированные и модернизированные под цели настоящего исследования:

- идеи социологических доктрин П. Бурдьё, Р. Коллинза, Л. Козера, Д. Блура, а также всех тех социологических концепций, которые можно рассматривать как воплощение отдельных положений так называемой «сильной программы» в социологии знаний [1; 3; 4; 6; 7];
- идеи некоторых психологических доктрин, прежде всего бихевиоризма, Э. Торндайка, Дж.Б. Уотсона и Б.Ф. Скинера;
- некоторые положения современных проектов философии науки, в частности, концепции Т. Куна, Б. Латтура, С. Вулгара, К. Кнорр-Цетиной [5; 9];
- и наконец, результаты эмпирических исследований, посвященных отдельным сторонам жизни вузовского научного сообщества [8; 10; 11].

Взятые вместе эти элементы и составляют теоретический и методологический фундамент данного исследования.

В основу предлагаемого взгляда на научное сообщество и его внутренние механизмы легло представление, согласно которому научное сообщество в целом или любая его часть – (например, локальная ассоциация исследователей) – есть многокомпонентная, но вместе с тем вполне связанная конструкция, трактуемая в качестве особой внутриакадемической среды, в которой осуществляется исследовательская деятельность либо отдельными учеными, либо их группами.

Предложенная трактовка операционально удобна для данного исследования, поскольку она позволяет представить научное сообщество как область действия разнонаправленных сил или, как мы будем их в дальнейшем называть, внутриакадемических режимов, воплощающих собой различные аспекты внутренней жизни научного сообщества, и оказывающих существенное влияние на всех вступающих в область их действия агентов (в нашем случае агентом является отдельный исследователь или небольшая группа исследователей).

Иными словами, научное сообщество можно описать как результирующую от совместного действия разного рода внутриакадемических режимов, которые структурируют научное сообщество изнутри и определяют набор осуществимых альтернатив для любого из агентов, действующего в данной среде, и рассматривающего ее не только в качестве данности, но и в качестве поля для конкурентной борьбы, направленной либо на консервацию, либо на трансформацию сложившихся условий.

Все это предполагает, что в научном сообществе существуют объективные структуры и силы, не всегда напрямую зависящие от сознания и воли отдельных исследователей, но способные стимулировать те или иные их действия и стремления. А значит, в рамках научного сообщества агент приобретает то, что можно было бы назвать стереотипом (или, пользуясь

термином П. Бурдьё, – габитусом, «привычкой»), который есть система прочных приобретенных предрасположенностей действовать так, а не иначе, и который используется агентом в качестве исходной установки, в свою очередь порождающей конкретные исследовательские и профессиональные практики. При этом внутриакадемический режим и есть та сила, которая либо закрепляет, либо разрушает сформированную стереотипическую реакцию или поведенческую линию агента.

Давайте же теперь посмотрим, какого вида внутриакадемические режимы нам следует выделить и проанализировать, с точки зрения оказываемого ими влияния на исследовательскую активность вузовских ученых.

Следует сразу же отметить, что предложенный здесь перечень внутриакадемических режимов, действующих в научном сообществе, не может рассматриваться как вполне исчерпывающий, это объясняется тем, что в поле нашего внимания попадают только те режимы, которые оказывают наибольшее влияние на интересующий нас аспект жизни научного сообщества, а именно на сферу его исследовательской активности.

виды внутриакадемических режимов									
режим внутриакадемической мобильности	инбридинг	творческий или интеллектуальный режим	синтез	внутриорганизационный режим	рутинизация	коммуникативный режим	«во внутрь»	идеологический режим	консерватизм
	дисперсия		оппозиция		свобода		«во вне»		либертаризм

Таблица 1. Виды внутриакадемических режимов.

Итак, виды внутриакадемических режимов (Табл. 1):

- *режимы внутриакадемической мобильности*, крайними значениями регистров данного режима являются *дисперсия* и *инбридинг*;
- *творческие или интеллектуальные режимы*, представлены двумя полярными состояниями: *оппозиция* и *синтез* (оппозиция – спор, критика; синтез – согласие, эклектика);
- *внутриорганизационные режимы*, или режимы, регулирующие степень *свободы* и *рутинизации* повседневной профессиональной деятельности исследователей;

- *коммуникативные режимы*, характеризуемые тремя аспектами, а именно «как», «с кем» и «для чего» устанавливается коммуникация, и обладающие двумя полюсами – ориентация каналов коммуникации «*во вне*» и ориентация каналов коммуникации «*во внутрь*»;

- и, наконец, *идеологические режимы*, представленные *консерватизмом*, ориентированным на достижение стабильности (а значит, долгосрочные проекты), и *либертаризмом*, в свою очередь ориентированным на постоянные инновации (или на так называемую «науку быстрых открытий»).

Стоит отметить, что мы не будем, как это, наверное, ожидалось, ранжировать режимы по тем или иным критериям, не будем строить из них жесткую иерархию, пытаясь выявить какой именно из данных режимов является основополагающим в отношении остальных, а рассмотрим их как систему, обладающую разными степенями свободы для каждого из составляющих ее элементов, где позиция и актуальное состояние каждого из режимов может либо стимулировать действие, либо блокировать действие любого другого из режимов в той или иной степени.

В рамках предложенной схемы (Табл. 1), нетрудно установить наличие имплицитного соответствия между крайними значениями регистров, принадлежащих разным внутриакадемическим режимам. Иными словами, внутриакадемические режимы обладают функциональным сходством: так, прямо сопрягающиеся состояния разных режимов оказывают стимулирующее, а перекрестные отношения наоборот, оказывают блокирующее, влияние друг на друга. Это позволяет определить две принципиально различных линии, обозначающих траекторию внутренней динамики научного сообщества:

- инбридинг – синтез – рутинизация – коммуникация «*во внутрь*» – консерватизм;

- дисперсия – оппозиция – свобода – коммуникация «*во вне*» – либертаризм.

В целом, указанные нами линии могут рассматриваться в качестве своего рода метастратегий внутренней динамики научного сообщества, ориентированных на системное применение функционально связанных между собой состояний внутриакадемических режимов в целях оказания на научное сообщество как можно более сильного воздействия.

В дальнейшем мы будем их определять как:

- «*закрытая*» *метастратегия*, опирающаяся на длительные альянсы внутри научного сообщества и солидарность;

- и, «*открытая*» *метастратегия*, опирающаяся на конфликтные модели действия и конкуренцию.

Данные метастратегии иногда целиком, а иногда частично, выступают в качестве оснований, фундирующих практическую внутреннюю политику устойчивых институциональных составляющих самого научного сообщества:

прежде всего вузов, а также их более мелких структурных единиц (факультетов, кафедр, лабораторий и т.д.).

При этом, хотя внутриакадемическая политика, проводимая в такой сверхрациональной области как наука, и мыслится нами как сама вполне рациональная, тем не менее, многие из принимаемых в ней решений помимо запланированных (или предполагаемых) следствий, рассматриваемых как желаемые и позитивные, латентно несут в себе незапланированные (или не предполагаемые) следствия, которые чаще всего оказывают негативное влияние на те или иные аспекты деятельности научного сообщества. Учитывая этот важный нюанс, наша задача заключается в том, чтобы проанализировать возникающие вследствие действия данных режимов эффекты, по возможности определив степень их влияния на исследовательскую активность как научного сообщества в целом, так и отдельных его частей – то есть локальных ассоциаций исследователей.

Итак, если теперь обратиться к явным и латентным эффектам, возникающим в регистрах каждого из внутриакадемических режимов.

❖ Режим внутриакадемической мобильности: инбридинг versus дисперсия.

Во всем разнообразии существующих политик найма и отбора академических кадров, можно выделить два противоположных варианта: первый из них – обозначаемый как инбридинг – состоит в выращивании кадров своими силами, путем закрепления в вузе студентов, ориентированных на академическую карьеру, найме собственных выпускников; второй – обозначенный нами как дисперсия – состоит в привлечении людей с внешнего академического рынка труда, получивших образование в другом вузе или проработавших там значимый период времени [10, с. 171].

Инбридинг и низкая внутриакадемическая мобильность негативно влияют на научную продуктивность. В частности, инбридинг влечет за собой *низкую публикационную активность и низкую цитируемость*. Публикационные стратегии инбридов в большей степени направлены на локальное сообщество исследователей, что исключает их из области действия стандартов широкой академической экспертизы, а значит с *высокой степенью вероятности снижает научный уровень их работ* (стоит отметить здесь, что внутренняя экспертиза не обладает иммунитетом против неформального влияния внутриорганизационных сетевых связей).

Более того, инбридинг постепенно *ослабляет и интеллектуальные позиции вуза*. Этот негативный эффект вполне объясним тем, что наем «внешних лиц» открывает университету *источник нового научного знания и новые исследовательские направления*; инбридинг же, наоборот, *способствует организационной инерции и замедлению в производстве нового научного знания*. Иными словами, инбридинг *напрямую препятствует идейному импорту, а, в конечном счете, и экспорту*, поскольку заимствование идей имеет свой

собственный интеллектуальный ритм: даже будучи пассивным вначале, с течением времени оно может превратиться в нормальный творческий процесс; ведь заимствования редко бывают целиком пассивными, так как у самобытно развивающихся исследовательских ассоциаций есть свои мотивы для поиска заимствований и реагирования на получаемые идеи.

Помимо прочего, исследователи-инбриды больше времени уделяют административной деятельности, имея в среднем и более высокую преподавательскую нагрузку, а это значит, что на научные изыскания по отношению деятельности, несвязанной с проведением исследований, ими отводится намного меньше времени, чем требуется для достижения серьезных результатов и статусных, и репутационных. В то же время, низкие стимулы к административной и иной, несвязанной с исследованиями, деятельности, которые существуют у «внешних людей», освобождают время необходимое им для проведения систематических исследований, позволяя им *больше публиковаться*, и в целом *активнее проявлять себя в исследовательских областях*. Однако вместе с тем, низкая мобильность и инбридинг дают *большую стабильность*, которая необходима для реализации долгосрочных научных проектов, так как создает условия для эффективной передачи сложившихся локальных норм и стандартов исследования.

❖ Творческий или интеллектуальный режим: оппозиция versus синтез.

Как только организуется научное сообщество, или даже в рамках действующего сообщества отделяется и четко демаркирует собственные границы та или иная ассоциация исследователей, в них складываются условия, определяющие весь регистр состояний творческого или интеллектуального режима, крайние значения которого мы обозначили как оппозиция и синтез.

По своей природе интеллектуальная сторона жизни научного сообщества внутренне образована потоком перекрывающихся конфликтов [7, с. 143-144, 567, 589-593]. Ведь любая ассоциация исследователей – это сообщество имплицитного учета его членами существования друг друга: когда противостоящие исследовательские позиции в конкуренции за внимание структурируют друг друга посредством своей аргументации. Все это означает, что интеллектуальная жизнь – это в первую очередь конфликт и несогласие. Состязаясь между собой, исследователи присваивают любой доступный им интеллектуальный капитал и формируют спектр контрастных позиций согласно динамике творчества через противостояние и оппозицию. А значит, интеллектуальное творчество через оппозицию в значительной мере стимулирует *рост исследовательской активности в научном сообществе (через появление альтернативных исследовательских позиций)*: именно процесс разрыва и появляющееся в его результате возможности новых сочетаний (комбинации и рекомбинации) идей – вот что движет и питает творчество в рамках академической системы. Более того, споры на одном концептуальном

уровне обычно разрешаются движением к более высокому уровню абстракции (исходя из которого можно делать суждения о самих дебатах и перетолковывать их), понимаемое нами как *движение к метатемам*, которые должны рассматриваться в качестве того, что обеспечивает «глубокое затруднение» – своеобразную творческую жилу, снабжающую плодотворными проблемами сразу несколько поколений исследователей. При этом, выход на новый концептуальный уровень никогда не сводит на нет сам процесс спора: интеллектуальный мир живет благодаря спорам, а каждый новый концептуальный уровень предоставляет новую почву, на которой могут быть развернуты новые противостояния.

Оппозиционные стратегии интеллектуального творчества помимо общего оживления исследовательской деятельности, также влекут за собой поиск и *установление общезначимых критериев рациональной критики*, обеспечивающих необходимых условий для формирования широкой профессиональной экспертизы, положительно влияющей на качество проводимых исследований. Кроме того, в ситуации, когда критика становится востребованным жанром для научных исследований, возникают и условия для *значительного роста цитации*, поскольку в целом любая критическая статья предполагает в 1,5-2 раза больше цитаций, чем сопоставимая с ней по тематике статья-апология.

В свою очередь, синтез положительно влияет на процессы *упорядочения и систематизации обширных дисциплинарных пространств*. Однако, таит в себе опасность *утери стандартов и норм рациональной критики*, а значит, *исчезновения метатем*, общий рост *эkleктики* и *падение оригинальности исследовательских работ*, постепенно схоластизируя исследования и сводя их к детальным и мелочным комментариям старых текстов, поощряя скорее интеллектуальный догматизм, чем инновации, и создавая идеальные условия для так называемых *тем «мелкого шрифта»*, с заведомо низкими показателями цитации.

❖ Внутриорганизационный режим: свобода versus рутинизации.

Анализ внутриорганизационного режима опирается на интуитивно разделяемый тезис о том, что рутинизация производит отнюдь не творчество, но стагнацию: общая совокупность внутриорганизационных норм, регулирующих и регламентирующих жизнь ассоциаций исследователей, колеблется между полюсом рутинизации, предполагающим *тщательность контроля и бюрократизацию* исследовательской деятельности, что крайне негативно влияет на ее интенсивность и плодотворность (в частности, способствуя *эkleктике*, темам «мелкого шрифта», «галочным работам», смещению центра деятельности от исследования к администрированию и т.д.); и, полюсом академической свободы, предполагающим *ультраминималистские функции администрирования и контроля над научными исследованиями*, что в

большинстве случаев *стимулирует творческую активность* вузовских ученых, расчищая пути для *движения к метатемам*.

❖ Коммуникативный режим: ориентация «во вне» versus ориентация «во внутрь».

В функционировании любого вуза профессиональные нормы продолжают играть ключевую роль. Ведь вуз является профессиональной организацией, а это означает, что, помимо организационных правил, его деятельность поддерживается профессиональными – формальными и неформальными нормами. Исследователи, составляющие ядро и основной человеческий капитал вузовской науки, действуют в поле этих профессиональных норм. А стало быть, и любые вопросы, связанные с передачей и воспроизводством профессиональных норм играют не последнюю роль в комплексе тех влияний, которые оказывают внутриакадемические режимы на активность и результативность исследовательской деятельности. Используемые научным сообществом каналы коммуникации, как уже отмечалось, характеризуются тремя аспектами, а именно тем: «как», «с кем» и «для чего» применяются данные каналы.

Ориентация коммуникации «во вне» – означает ориентацию на *импорт и экспорт новых идей*, передачу тех идей, которые имеют существенное значение для той или иной дисциплинарной тематики в целом, и облегчают ее исследование, а это значит, коммуникация такого характера *стимулирует конкуренцию между учеными* за внимание исследовательских ассоциаций, к которым они принадлежат, положительно сказываясь на *активности исследовательской деятельности*.

Ориентация коммуникации «во внутрь» – служит *рецепции внутриорганизационных норм и стандартов, стереотипов поведения*, то есть в основном обеспечивает передачу разного рода шаблонов, *облегчающих повседневную рутинизированную деятельность* исследователя. Однако, в то же самое время вероятность обмена с коллегами за пределами вуза важной для исследовательской деятельности информацией для коммуникации ориентированной «во внутрь» существенно ниже, чем для ориентированной «во вне». Постепенная локализация, подкрепляемая коммуникацией «во внутрь», достаточно эффективно обеспечивает согласие и склонность к альянсам для ученых внутри самого вуза, но в то же время *снижает эффективность селективных инструментов стимуляции исследовательской деятельности*. Отсутствие связей с внешней средой и наступающее в результате «ухудшение качества» исследований, подразумевает, что исследователи, изолированные в границах собственного вуза никогда не выясняли на практике свои альтернативные возможности, им *не хватает широты взгляда*, необходимого для академических (исследовательских)

достижений, а это фактически создает необходимые условия для *снижения мотивации к достижениям*.

❖ Идеологический режим: консерватизм versus либертаризма.

Совокупность профессиональных норм (формальных и неформальных), а также способов их передачи, во многом определяет лицо идеологии разделяемой вузом, представленной для нас двумя крайностями: консерватизмом или либертаризмом.

Выше уже отмечалось, что ориентация коммуникации «во внутрь» обуславливает локальный характер складывающихся в вузе профессиональных норм, регулирующих исследовательскую деятельность и влияющих на формирование стандартов оценки результатов исследования. Консерватизм, или закрытость, системы от проникновения в нее норм и практик извне приводит к *укоренению локальных норм исследования и отрыву их от норм широкого экспертного сообщества*, что не может не сказываться *негативным образом на качестве выполняемых исследований*. Далее, закрытость, принимаемая как руководство к действию в идеологии консерватизма, существенным образом стимулирует развитие *«локальных» (в буквальном смысле этого слова) дисциплин и областей исследования*, то есть фактически *поощряется «политика мелких тем»*, которые традиционно развиваются только в данном вузе, и не имеют существенного значения в глазах широких ассоциаций исследователей, объединенных некоторой общей тематикой.

Наконец, еще одна «неприятная тенденция»: развитие и поддержка в «консервативном» вузе той или иной тематики может обуславливаться *не только внешними факторами* (такими, например, как конкурентоспособность на внешнем рынке, значимость для крупного фрагмента дисциплинарного поля той или иной отрасли науки), но и *частными (ненаучными) интересами* отдельных исследователей.

В пику консерватизму, либертаризм основной для себя ценностью полагает открытость и незамкнутость либо отдельных ассоциаций исследователей, либо вуза в целом. Открытость проповедуемая либертаристами ориентирована на *высокую скорость обмена идеями* между разными заинтересованными центрами исследований, создавая условия для широкой творческой коалиции в среде исследователей, связываемой уже не только и не столько с их общей внутриорганизационной принадлежностью (то есть принадлежностью к одному вузу, лаборатории, кафедре), а со способностью успешно работать в качестве исследователя в той или иной дисциплинарной области. Такого рода открытость для того, чтобы себя оправдывать и быть эффективной, поощряет амбиции исследователей, а значит, и *интерес к метатемам*, сулящим быстрый успех и способным привлечь внимание и укрепить статусные позиции как ассоциации исследователей, так и поддерживающего их вуза в целом. Иными

словами, здесь мы видим то, что называется политикой, ориентированной на *«науку быстрых открытий»*).

Такова в общем виде характеристика внутриакадемических режимов, очерчивающих две достаточно устойчивых траектории для динамики научного сообщества, обозначенные нами выше как метастратегии: «открытая» и «закрытая», располагаемых по крайним значениям регистров внутриакадемических режимов.

«Закрытая» метастратегия: через инбридинг, способствующий внутриорганизационной рутинизации, блокируя оппозицию и критику в интеллектуальном творчестве, создавая тем самым условия для постепенной схоластизации и отдавая приоритет темам «мелкого шрифта», что в целом крайне негативно сказывается на исследовательской активности во всех ее аспектах: начиная от цитации и заканчивая снижением качества работ, имеет тем не менее достаточно серьезные основания. Недоумение, вызываемое тем, почему такая неэффективная для исследователей стратегия имеет столь серьезные позиции в современной российской вузовской науке, исчезает, если мы рассматриваем метастратегии в качестве способов, при помощи которых научное сообщество и ассоциации исследователей приспосабливаются к внешним организационным условиям. Основной приоритет для «закрытой» метастратегии – вовсе не исследовательская активность, основной приоритет – это стабильность, что весьма ценно в эпоху перемен, а значит, поддержку при этой стратегии получают любые действия, направленные на достижение солидарности, логичным наполнением которых является идеология консерватизма.

«Открытая» метастратегия: поощряя дисперсию идей и исследователей, стимулирует оппозицию и метатемы – главный нерв интеллектуальной жизни, делая критику синонимом исследовательского успеха (вновь пришедший исследователь пытается статусно утвердиться и критикует именно для этого), что в целом обеспечивает общий рост культуры исследования, основанный не на локальных, а более широко разделяемых нормах, разделяемых внешним по отношению к самому исследователю экспертным сообществом. В «открытой» метастратегии, подкрепляющие друг друга внутриакадемические режимы максимально эффективно стимулируют исследовательскую активность.

Теперь, если в качестве итога данного исследования дать экспертное заключение о сравнительных преимуществах этих двух метастратегий, следует отметить, что:

- во-первых, исследовательская деятельность нуждается в конкурентных «открытых» метастратегиях. При этом в общей перспективе конфликтные режимы оказываются более плодотворными для научного сообщества, чем периоды длительных альянсов;

• во-вторых, конфликтные режимы позволяют исследователю заниматься не только изысканиями в области собственных профессиональных интересов, но и «коллективным изобретением коллективных структур изобретения» [2], которые могут породить новые тенденции и течения внутри научного сообщества, обеспечивая эффективный рост и динамику в производстве новых знаний, появление новых методов исследования и новых проблемных областей.

Библиографический список

1. *Блур Д.* Сильная программа в социологии знаний // Логос. 2002. – № 5-6 (25). – С.1-24.
2. *Бурдые П.* За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. – № 5 (25): <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html> (дата обращения 12.04.2011)
3. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. – СПб.: Алетейя; М.: Инст-т экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим.социологии, 2005. – 288 с.
5. *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. – Т.5. – №1. – С.101-124.
6. *Козер Л.* Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
7. *Коллинз Р.* Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
8. *Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М.* Академическая свобода и стандарты поведения // Вопросы экономики. 2007. – № 6. – С.80-93.
9. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. – № 5-6 (35). – С.1-32.
10. *Сивак Е.В., Юдкевич М.М.* Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. – № 1. – С.170-187.
11. *Сивак Е.В., Юдкевич М.М.* «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // Форсайт. 2004. – № 4. – С.102-106.